

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ССЫЛОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ

С точки зрения развиваемой нами в течение ряда лет моделирующей концепции перевода оригинальный текст представляет собой модель некоторой физической или ментальной реальности, в то время как создаваемый переводчиком текст перевода представляет собой модель второго уровня, для которой исходный текст служит объектом моделирования. Впрочем, переводческая модель исходного текста может быть моделью не второго, а третьего (а то и просто следующего) уровня, так как исходный текст в свою очередь может быть переводом утерянного или ставшего недоступным источника – достаточно вспомнить историю переводов второканонических книг Библии, переводившихся с Септуагинты, или Библии семидесяти толковников, являвшейся греческим переводом утерянных на тот момент древнееврейских и арамейских текстов.

В распоряжении переводчика, создающего модель исходного текста, имеются средства моделирования, как собственно лингвистические, так и принадлежащие другим уровням его ментальной и языковой модели мира, в частности, сведения о культурном пространстве, в которое включен он сам и культурно-языковая общность, к которой он принадлежит, но также лингвокультурное пространство, в котором существует автор переводимого текста и его целевая аудитория.

В лингвокультурном пространстве переводимого текста переводчик нередко может обнаружить элементы, явно включенные или неявно отсылающие к фрагментам других текстов, принадлежащих к различным лингвокультурным пространствам – как к тому, к которому относится переводимый текст, так и к другим, порой весьма далеким от него в культурном и временном плане.

Это явление, хорошо известное современной науке, вслед за Ю. Кристевой именуют *интертекстуальностью* и определяют как проявление «общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» (П. Б. Паршин, Н. А. Фатеева). При этом вся совокупность текстов, написанных на любых языках, мыслится как некое глобальное текстовое пространство, любые участки или точки которого потенциально могут быть соотнесены, но некоторые объективно склонны к такому соотнесению.

Цели внесения в текст интертекстуальных ссылок (если такое внесение осуществляется сознательно, а не помимо воли автора) могут быть различными: показать свою осведомленность, эрудицию, культуру; придать тексту выразительность; намекнуть адресату на некоторое событие или положение дел; поиграть с читателем, предложив ему разгадать к чему отсылает интертекстуальный компонент и т.д. Формы интертекстуальных отсылок могут быть самыми разными – от прямых цитат до едва уловимых аллюзий.

Проблемы, встающие перед переводчиком при переводе текстов, включающих интертекстуальные элементы, связаны как с целью внесения в текст интертекстуальных элементов, так и с формой, которую принимают указанные элементы.

В случае цитат, заключенных в кавычки и снабженных ссылкой на цитируемый источник с указанием полных выходных данных, переводчику часто бывает достаточно отыскать существующий перевод цитируемого произведения и, включив в свой текст переводную цитату, дать соответствующую ссылку.

Однако закавыченные цитаты даже из широко известных источников без точной ссылки могут таить неожиданные проблемы. В начале девяностых нам довелось переводить небольшую книгу всемирно известного историка Фернана Броделя «Динамика капитализма». Это была печатная версия трех лекций, прочитанных автором в университете Джонса Хопкинса (США). В конце третьей главы в кавычках, но без указания страниц источника приводятся две цитаты из широко известной работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Поиск в оцифрованных источниках в те годы был еще недоступен, а в печатном издании указанной работы нам не удалось найти точного соответствия взятой в кавычки цитате в книге Ф. Броделя. Нам пришлось дать собственный обратный перевод ленинской цитаты, который с ведома издателя и попал с соответствующим примечанием

в опубликованный перевод. Лишь спустя десяток лет, когда стал возможен поиск по оцифрованным изданиям ленинской работы и книги Ф. Броделя, загадка разрешилась: уважаемый историк в ходе цитирования источника объединил в одно предложение первую часть предложения из 4 главы и отдельное предложение из 1 главы ленинской работы.

Цитируемый текст: *«Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, [когда и рабочая сила становится товаром].»* (4 глава, в квадратных скобках опущенная при цитировании часть предложения). *Десятки тысяч крупнейших предприятий – всё; миллионы мелких – ничто.* (1 глава)

Преобразованная цитата в книге Ф. Броделя: *«Le capitalisme, c'est la production marchande à son plus haut degré de développement; des dizaines de milliers de grandes entreprises sont tout, des millions de petites ne sont rien.»*

Приведем также обратный перевод цитаты (к счастью, отличие от оригинала оказалось минимальным): *«Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития; несколько десятков тысяч крупных предприятий являются всем, в то время как миллионы мелких – ничем».*

Цитаты могут не выделяться кавычками и быть «органично» встроенными в переводимый текст, ни тематически, ни идейно не связанный с цитируемым произведением. Цель такого цитирования – языковая игра, нередко с оттенком иронии. Так, в статье из уголовной хроники о нечестном бухгалтере, подделывавшем бухгалтерскую отчетность, читатель встречает слегка измененную цитату из стихотворения Стефана Малларме «Морской бриз»: *«La chaire est triste – hélas! – et il a lu tous les livres de comptes»* (в буквальном переводе: *«Плоть печальна – увы! – и он прочел все бухгалтерские книги»*).

Подобное цитирование в новостной рубрике может показаться литературным излишеством, пусть и продиктованным ироническим отношением автора к описываемой ситуации. Между тем переводческая деонтология требует, чтобы переводчик был максимально лояльным по отношению к автору оригинала и к адресату перевода. Принимающая аудитория найдет такую фразу странной и почувствует, что за ней кроется что-то ей неизвестное. Креативность автора оригинального текста также при буквальном переводе страдает.

Переводчику (будем исходить из того, что это образованный человек), узнавшему цитату останется найти наиболее подходящий перевод этого очень известного стихотворения и аккуратно вставить ее в свой перевод, получив, к примеру: *«И плоть – увы! – слаба, и он прочел все книги... бухгалтерские».* Ну и, конечно, сделать краткое примечание для несведущего во французской поэзии читателя.

Цитаты могут выполнять конативную (по Р. Якобсону) функцию, причем воспроизводя ту же функцию, что выполняет цитируемая фраза. Так, в статье, посвященной проблеме пользования электронными кошельками,

автор обращается к читателю с помощью пушкинской цитаты: «*Читатель ждет уж рифмы розы*», сразу же при этом заявляя, что «розы», т.е. рассуждений об анонимности не будет, а будет лишь разговор о практическом удобстве открытия электронных кошельков. При переводе статьи на французский язык переводчик может воспользоваться переводом «Евгения Онегина», где найдет: «*je parie que mon lecteur attend la rime: roses*», но при этом придется дать ссылку с соответствующими пояснениями для французского читателя.

Интертекстуальные ссылки могут быть легко узнаваемыми, как, к примеру, «*50 nuances de gras*» («50 нюансов жирного» – название кулинарной книги, отсылающее к широко известному роману Э. Л. Джеймс и поставленному по нему кинофильму «*Пятьдесят оттенков серого*»). Но есть и такие, что могут поставить в тупик неопытного переводчика, как, например, «*Fillon: tu tailor il rich*» («*Фийон: мой портной богат*»)¹ – название статьи о Франсуа Фийоне, кандидате на президентских выборах 2017 г., получавшем в подарок дорогие костюмы. Вариант перевода – «*Главное, чтобы костюмчик сидел*».

Наконец, интертекстуальные ссылки могут появляться в переводе вопреки оригиналу, как, например «*я оказался в сумрачном лесу*» (цитата из Данте в переводе М. Л. Лозинского) в переводе романа Умберто Эко «*Маятник Фуко*», выполненном блестящей переводчицей Е. Костюкович, хотя в тексте романа о сумрачном лесу упоминания не было. Здесь мы, пожалуй, уже вступаем в сферу так называемых интертекстуальных «подмигиваний».

¹ Фраза из французского учебника «*L'anglais sans peine*» («Английский без труда»), вызывавшая насмешки в силу своей практической бесполезности в условиях реального общения.